naon mosh

Александр ТЮФТЕЕВ

Вятка-2000

Художник Иван Никулин 2000

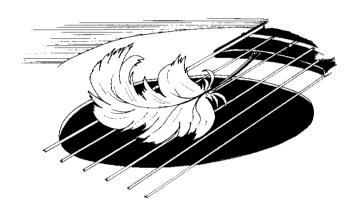
Редактор
М. Ковтунова
при дружеском
участии
А. Страузова
Компьютерная
вёрстка
С. Ворончихин

ТЮФТЕЕВ Александр Дмитриевич

СУДЬБЫ МОЕЙ БЕЛОЕ ПЁРЫШКО

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ А. ПЕЧЁНКИНА

> Вятка (Киров) 25.11.2000

Я устал бродить по тропам памяти, Прожил-то всего-то ничего. Может быть, и мне поставят памятник Всё равно когда и из чего...

Herfour &-

МОНА ЛИЗА

5

ЛЕБЕДИ

7

ПОСВЯЩЕНИЕ АЛЕКСАНДРУ ВАМПИЛОВУ

8

Я УМОЛЯЮ, ПОГАДАЙ

11

БЕЛОЕ ПЁРЫШКО

12

ТЫ УЛЕТАЕШЬ В ЛЕНИНГРАД

13

Звучала «Лунная соната»...

16

В осени купались я и ты.

17

Молчу. Надуманные фразы.

19

ПЕСЕНКА ПРО ШУТА

21

А они всё приходят ко мне эти сны...

22

И гонит нас вперед фальшивый саксофон...

22

Мужайся, ум, покой не обрести...

23

ПАДУНСКИЕ ПОРОГИ

24

И выпал снег в дорогу, кстати...

27

Я с детства золотишком балуюсь...

28

Ни Галича, ни Бродского, ни Долину...

29

Так уж заведено...

31

Нас время дорогой учило...

33

Когда сольются голоса...

35

мона лиза

Что в улыбке твоей, Мона Лиза, Как загадку твою разгадать? Тень надежды, причуда каприза Иль божественная благодать?

> Что скрываешь ты так много лет, Охраняя очей своих тенью? Может новый Петрарки сонет Может быть приговор иль спасенье?

Улыбнись, я молю, улыбнись, Разорви сеть картины и брызни! Номер два — галерейная жизнь Красоты твоей столь живописной. Номер два — галерейная жизнь.

Что же манит и манит к тебе Приходить, отрешаясь от света? Может быть, мы не верим судьбе От улыбки твоей недопетой. Может быть, мы не верим судьбе...

"Когда уснут два лебедя твоих..."

ЛЕБЕДИ

Когда уснут два лебедя твоих, Сложив уставшие в полете крылья, Границу между небылью и былью Перечеркну, чтобы взглянуть на них.

В последний раз, пытаясь разгадать Маршруты странствий по небесным далям, В которых твои лебеди летали, Ко мне лишь возвращаясь зимовать. Они при мне вставали на крыло,

Учились взлету по волнам с разбега, Чтобы края далекие изведать, В которые лететь им суждено. В последний раз, пытаясь разгадать

Маршруты странствий по небесным далям, В которых твои лебеди летали, Ко мне лишь возвращаясь зимовать. Я вовсе не о том теперь грущу,

Что их из рук кормил и чистил перья, Что отреченно в те пространства верил, В какие по весне их отпускал.

> А грустно оттого и оттого печаль, Что сам себе подрезал рано крылья, Что на границе небыли и были Мне лебедей твоих уж не встречать.

ПОСВЯЩЕНИЕ АЛЕКСАНДРУ ВАМПИЛОВУ

У птицы раненой крыло Теряло власть свою над телом, Но пуле пагубной назло Она не падала, летела.

> Предчувствуя последний взмах Слабеющих от боли крыльев, И близость грани, где впотьмах Открытыми врата не были.

А что за гранью той узнать Нам не дано, пока летим мы, Стремясь в полете разгадать Души непознанной глубины.

> Быть может, ждет забвенье там, Быть может, радость и признанье... Но не дано при жизни нам Спастись от этого незнанья.

И странно так разделено Природою на этом свете, Что испокон веков, давно Признанье следует за смертью. И на пороге пустоты, Не ведая еще о крае, Полёт прервал внезапно ты, Твоя же птица всё взлетает. Твоя же птица всё взлетает.

И пусть у птицы той крыло Над телом власть не потеряет, И пуле пагубной назло Она полёт свой продолжает.

"Я умоляю,погадай..."

Я УМОЛЯЮ, ПОГАДАЙ

Я умоляю, погадай. Зачем тебе гаданье вдовье? Затем, чтоб между нами тайн Тех не было, что есть дотоле. Я умоляю, погадай.

> А чем тебе я помогу? — Ты знаешь сам судьбу, наверно, А все гадалки только врут В плену примет всех суеверных. Ведь все гадалки только лгут.

Коль встречу ту дорогу я, Не пожелаю в картах видеть, И близкой гранью бытия Не захочу тебя обидеть. Вдруг встречу ту дорогу я.

Так что, мой друг, не поминай Меня ты лихом суесловья И погадать не умоляй, Зачем тебе гаданье вдовье?

Я умоляю, погадай И погадать не умоляй...

БЕЛОЕ ПЁРЫШКО

автор Владимир Татарников

Успокоить глаза темнотой, Занавесить окно чёрным небом, Мне б расстаться на миг с этим бредом, С этим глупым, неправильным мной.

> Где костры моего роду-племени, Без меня как там люди сидят? Нет, без стаи своей я не лебедем, Белым вороном сделал себя.

Неподкупен как труп лунный свет, Как помост, недвижима земля И кольцо женских рук, как петля, И осталось лишь пнуть табурет.

Что наделал — уж не переделаешь, Впереди ни тревог, ни надежд. И судьбы моей платьице белое Затерялось меж тёмных одежд.

Вновь и вновь открывается дверь Лишь для тех, кто не хлопает дверью. Боже, как я в друзей своих верил, Только кто из них друг мне теперь?

Бросил за спину розовы стёклышки, А без них что-то бросило в дрожь. Ах, судьбы моей белое пёрышко, Всё летишь, знать бы, где упадёшь...

ТЫ УЛЕТАЕШЬ В ЛЕНИНГРАД

Ты улетаешь в город Ленинград, В туманы мокрых без меня ночей. И не найти ключей я был бы рад, Когда вернусь к погашенной свече.

Ты улетаешь в город Ленинград.
В глаза впилась укором синева,
И закидать её я был бы рад
Снежками горечи, разлук, уграт.
Одна на трапе с красной куклою.
Удар в стекло, и нервы скручены
Одним ремнём надежд, одним ремнём уграт.
Одна на трапе с куклой красною.

Ты улетаешь в город Ленинград, Где ночи не дадут тебе уснуть. И мы молчим не в строчку, невпопад. Но вот и улетаешь. Всё. Пиши. Одна на трапе с куклой красною. Удар в стекло, и нервы скручены Одним ремнём надежд, одним ремнём утрат. Одна на трапе с куклой красною.

Ты улетаешь в город Ленинград, И я опять один остался свят. Но купола ударили в набат, Меняя нежные стихи на мат.

"Ты улетаешь в город Ленинград..."

Ты улетаешь в город Ленинград, Легко меняя Вятку на Неву, И только мне покажется опять, Что земляникой пахнет на ветру.

> Одна на трапе с куклой красною. Удар в стекло, и нервы скручены Одним ремнём надежд, одним ремнём утрат. Одна на трапе с куклой красною.

* * *

Звучала «Лунная соната», Шатёр ночной нас привечал. Мы не искали виноватых На перекрёстке всех начал.

Чарующие звуки лились И воспаряли до небес... Мы этой ночью и напились На перекрёстках всех чудес.

Дерев далеких очертанья Сплелись в переплетенья рук. Нас этой ночью ждёт прощанье На перекрёстках всех разлук.

Лукавый месяц очи спрятал За облаками вышины. Умолкла «Лунная соната» На перекрёстке тишины.

* * *

В осени купались я и ты. Много лет прошло с тех давних пор, Много унесла река воды, Помнит это лишь сосновый бор.

> А флейта печальную песню поёт, И души несёт против ветра Господь. Он воском свечи наши веки зальёт, Свечи, за которую спряталась плоть.

Поседел от страсти пилигрим, Всё исчезло, только не слова, Женщинам другим мы говорим: «Я люблю, да я люблю тебя».

А флейта печальную песню поёт, И души несёт против ветра Господь. Он воском свечи наши веки зальёт, Свечи, за которую спряталась плоть.

Жизнь идёт, увы, своим путём, И не будет песня так грустна, Если всех любимых соберём, Всех друзей у нашего костра.

А флейта печальную песню поёт, И души несёт против ветра Господь. Он воском свечи наши веки зальёт, Свечи, за которую спряталась плоть. В те края, где нас, уверен, ждуг Шхуну грез смелее правьте вновь. Крылья ветра пусть её несут, Ею Бог пусть правит и любовь. * * *

Молчу. Надуманные фразы. Жизнь крутит задом не со мной. На свете нет такой заразы, Что не попробована мной.

> Удача не бывает бесконечной, Пунктиром жизнь прострочена её. И ты всегда дорогой млечной Пускаешься в бега из-за неё.

Пытаешься узнать: зачем, откуда Она пришла и почему к тебе? А на волнах плывёт обломков груда, И чьё-то горе на сыром песке.

> И за удачей наступает невезенье, И жизнь готов отдать ты за пятак. Но яркий свет даёт нам провиденье, И ты готов её прожить не просто так.

Давайте не искать пунктирных линий, А жить, как жили: с совестью на «ты», И пусть на проводах искрится иней, И радуют небесные мосты.

"Такая участь у шута – носить всю жизнь колпак..."

ПЕСЕНКА ПРО ШУТА

Давным-давно жил славный шут, он был как все шуты, Веселый малый шут тот был — любитель суеты. Он каждый вечер надевал цветастый свой кафтан, А про себя он напевал: «Балдам-балдам-балдам».

Балдам-балдам-ла-ла-ла...

Смешил вельмож он каждый день и знатных тучных дам, Давал знать песенкой своей, что он поёт балдам. А те смеялись над шутом — балдам-балдам балды, Что отродясь нигде смешней не видели Балды.

Балдам-балдам-ла-ла-ла...

Такая участь у шута — носить всю жизнь колпак И дни и ночи напролёт смешить толпу зевак. Но шутка шутке — рознь и вот: шутовский ваш удел — Все короли когда-нибудь всему найдут предел.

Балдам-балдам-ла-ла-ла...

На плаху вёл шута палач, но верен шут себе: Все услыхали смех сквозь плач, наперекор судьбе. А во дворце уж новый шут, он вновь смешит зевак. Такой же ждёт его удел — на нём судьбы колпак. Балдам-балдам-ла-ла-ла... * * *

А они всё приходят ко мне эти сны Про тебя, про детей, про болезни мои. Не хотят отпустить от постели в поту в маяту. Я им должен. Я знаю. Я всё возмещу.

* * *

И гонит нас вперёд фальшивый саксофон, Полулюбовь крадёт в краю полуимён, Составленных судьбой из разных половин: Был раб в любви одной, в другой стал господин.

* * *

Мужайся, ум, покой не обрести, Упорствуя, любовь ты отторгаешь. И мужество, и верность не в чести У жизни той, которой ты не знаешь.

Покой души — к чему мне нужен он? С непримиримостью он несовместен. Зачем тогда мне снится этот сон: Где мы с тобой вдвоём (не значит вместе)?

Зачем слова мои опять молчат, Сжимая душу, поглощая силы? Но мне глаза твои не осветят Покой души единственной и милой.

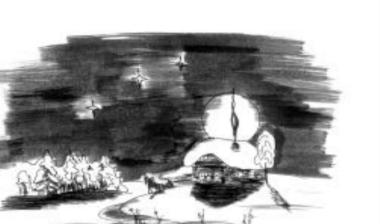
ПАДУНСКИЕ ПОРОГИ

Парадоксально настоящее, Когда со мною счёты сводит. И не проходит проходящее, Не проходящее проходит. И в этой сумрачной сумятице Вновь перепутаны дороги Парадоксальной этой станции «Падунские пороги».

Давно пороги здесь отпадали, Одно название осталось, А я на встречу всё загадывал, Забыв про станции той странность. И в этой суетной сумятице Вновь перепутаны дороги Двух встречных поездов До станции «Падунские пороги».

И умножают расстояния Жестоких рельсов километры, Два поезда по расписанию Спешат догнать свои рассветы. Но никакой на свете женщиной Не заменить потерю света, Нигде не купишь индульгенцию Обратного билета.

Парадоксально настоящее: И вновь рассвет не там восходит, И не проходит проходящее, Не проходящее проходит. И не исправишь расписания — Железом скованы дороги. Минует станция прощания «Падунские пороги».

"...И выпал снег в дорогу, кстати..."

* * *

И выпал снег в дорогу, кстати, Всё поглотив той белизной, Которую не выдумал Создатель, Она пришла сама собой.

О, снег надежды, перемены снег, Лежишь ты белым покрывалом, Не дай нам, снег, убавить мысли бег, Согрей замерзшую октаву.

Пришла и одеялом сонным Прикрыла нас до теплоты, Снежинок покрывалом тонным Взяв все права у темноты.

Веди меня не потайными тропами, А закруги по млечному пути, Чтоб жизнь была натянутыми стропами, Чтоб в ней пустого места не найти. * * *

Александру Страузову

Я с детства золотишком балуюсь, Любил и женщин я и кир, Я на потенцию не жалуюсь, И вот теперь я — ювелир.

У нас ведь как, у ювелиров-то, Гордимся тем, что натворим. И ходят в наших украшениях — Кто? — Конечно Греция и Рим.

От заказов мне отбоя нет, Все познакомиться хотят. Хрустят купюры, слышен звон монет, Хоть я Вам и не «лаурят».

> У них ведь как - у «лаурятов-то»? Есть двести строк — и вот кумир, От них ты хрен услышишь матов-то, А по натуре он — вампир.

Все любят брошки, кольца, крестики, Не то, что песни (хыр- тыр- пыр), А я живу не в мире мистики, И потому я — ювелир.

У нас ведь как — у ювелиров-то? На нас с надеждой смотрит мир. Что, песни красят тех вампиров-то? Нет, наш российский ювелир!

* * *

Ни Галича, ни Бродского, ни Долину, Ни Строцева, ни Кукина, ни Клячкина, Простите, не хочу, Мне жить бы вровень с веком, Писать, как ты, мой друг, хочу, Сердца других сжигать при этом.

За рифмой бегаю, как страус, В троллейбусе, в автобусе, в метро (когда в Москве), Но Вас догнать, товарищ Страузов, Никак не удаётся мне.

> Пытался самолетом — не выходит, Не в рифме смысл, была бы стать, Но, Шура — Вы гигант в словесном плёте, Я знаю, нелегко лауреатом стать.

За Вами бегать я не стану, и не ждите, Я тихо в туалете посижу, И песню Вашу «Монолог актёра», уж простите, От первой строчки до последней заучу. «Кто сказал, что сперва...»,

А потом уже нет.

За рифмой бегаю, как страус, В троллейбусе, в автобусе, в метро (когда в Москве), Но Вас догнать, товарищ Страузов, Никак не удается мне. А впрочем, дело ведь не в том, Что и кто и как споёт и спляшет. А если это нужно тем, Кто будет слушать бредни наши. Но всё, мой друг, не зря. Вперёд. Быть может, кто-то нам и подпоет: За рифмой бегаю, как страус, В троллейбусе, в автобусе, в метро (когда в Москве), Но Вас догнать, товарищ Страузов, Никак не удаётся мне.

* * *

Так уж заведено Нам испокон веков, Чтобы построить плот, Надо угробить флот. Чтоб папироску сжечь, Мы зажигаем печь – Чтоб от огня бревна Всем прикурить сполна. Чтобы построить дом, Вырубить лес кругом И, чтоб хоть раз икнуть, Ищем, что внутрь пихнуть. Ведь на пустой курсак Просто попасть впросак. Мысли голодные Шастают во дворе. Что же так пуст наш двор? – Или в нём каждый – вор Строит свой новый плот И на других плюёт. Чтобы себя спасти, Он не устал грести, Да не веслом – пустяк, Всё под себя. И вся.

Так он гребёт, гребёт, Думая, что плывёт. И не икается, И не раскается. Чтоб прикурить он смог, Домик наш общий сжёг, Чтоб свой построить плот, Наш он угробил флот. * * *

Нас время дорогой учило: Вставайте с рассветом, мужчины, Нет проку грустить от причины, Что счастье прошло.

От первого вздоха той песни, Что пели мы вечером вместе, Мы вновь на привале воскреснем Потерям назло.

Мажоры, миноры, бемоли, Обжоры и горя, и боли, Съедим не один пуд мы соли Весёлой гульбой.

Беритесь за вёсла, ребята, Плывите к своим перекатам. Пусть волны ударят набатом В резиновый плот!

Коль друг на плоту будет рядом, Удержит рукой он и взглядом. От волн плот не будем мы прятать И падать за борт. Нас время дорогой учило, Нас время не тонам учило, Берите аккорды, мужчины, На грифе судьбы, На шее змеи подколодной, Всегда ненасытно голодной, На картах крапленой колоды Веселой гульбы.

Крут берег и слева и справа. Плевать, что горит переправа — Мы сами на гульбище славном Сжигаем мосты.

Меж прошлым и тем настоящим, Что станет до срока вчерашним, Одно только непроходяще - Рассвет, Я и Ты. * * *

Когда сольются голоса Друзей моих, поющих рядом, Тогда я прохриплю им сам -И большего не надо.

Ни белых зим, ни бурных рек, Ни майского цветенья сада, Пусть время остановит бег — И большего не надо.

Подольше бы костров уют Не заносило снегопадом. Здесь в душу мне не наплюют — И большего не надо.

И у огня душа приют Отыщет дружеского взгляда, На дно мне капельку плеснут -И большего не надо.

Так пойте, пейте же, друзья, Забыв прошедшие парады, Здесь нужно то, что там — нельзя, И большего не надо!

Перед Вами первая книга стихов (песен) известного вятского барда Александра Тюфтеева. Сам он вряд ли бы предпринял попытку подобного издания. Поэтому это сделали его друзья, которые бесконечно любят его и его творчество.

Александр - ярко выраженный лирик. Лирик он и по складу души, и по песенному творчеству, и по проявлениям человеческих качеств.

Песни, которые опубликованы в книге, написаны давно. В основном это песни-ассоциации, связанные с событиями жизни автора или его друзей. В них по-новому открываются извечные истины, потому что так чувствует он - Александр Тюфтеев.

Полагаем, что Саша на нас не обидится за те единичные правки, которые мы внесли, ибо они никак не отражаются на смысловом содержании.

